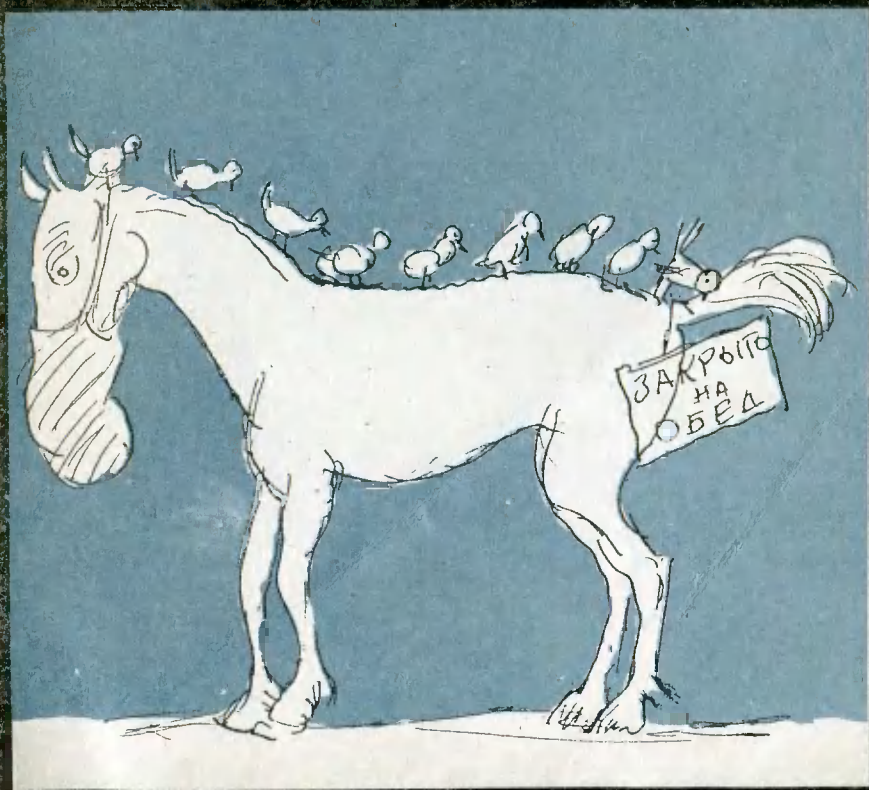

ISSN 0132-2141

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ЛОШАДЬ

№ 9

R. Pante

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 9

(1117)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ЛОШАДЬ

*Рассказы о Константине РОТОВЕ,
художнике-крокодильце*

Рисунки К. РОТОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1991**

КОСТЯ РОТОВ

Помню, кто-то в свое время назвал Константина Ротова Мוצартом от карикатуры. С такой волшебной легкостью, виртуозным изяществом создавал он свои рисунки, так жизнерадостно, увлеченно и щедро отдавал он людям свое веселое, доброе творчество. Но при этом среди нас, его товарищей по искусству, не было, уверен, ни одного завистливого Сальери — мы искренне любили милого, скромного, обаятельного Костю, искренне восхищались его удивительным талантом одного из самых ярких, чудесных мастеров юмористической графики.

Ну, а что, собственно говоря, знают об этом замечательном художнике сегодняшние читатели «Крокодила»? Что знают они о его жизни и судьбе, о выпавших на его долю тяжелых испытаниях, через которые он прошел мужественно и достойно, не потеряв веры в торжество добра над злом, сумев сохранить творческие силы и неистребимую любовь к искусству? Думаю, немного. Вот почему так своевременна, а может быть, и чуть-чуть задержалась с выходом на свет настоящая книжка, тем более что она представляет, на мой взгляд, нечто гораздо большее, чем просто интересную и увлекательную биографическую повесть. Издание ее — это выполнение святого долга (нисколько не боюсь этих громких слов) перед памятью крокодильца старшего поколения, неутомимо и беззаветно служившего народу своим искусством. В самом деле, разве было бы справедливо и нравственно, если бы никто не рассказал о том, как жизнь хорошего человека, вдохновенно трудившегося на радость людям, была вдруг жестоко, грубо и бессмысленно сломана?

Мне хочется здесь упомянуть и о том, что веселые ротовские рисунки появлялись в журналах и газетах, на страницах детских книжек во времена совсем невеселые, в те тридцатые годы, когда миллионы людей были охвачены леденящим страхом и злой, злой неуверенностью в завтрашнем дне. И все же они с удовольствием рассматривали карикатуры, шаржи и иллюстрации Ротова, улыбались, смеялись, как-то отвлекались от тяжелых дум и тревог. И как тут не вспомнить девиз знаменитых болгарских фестивалей сатиры и юмора в Габрове: «Человечество уцелело, потому что смеялось». В этом изречении есть, несомненно, большая правда. Ведь СМЕХ — это великая жизненная сила. Однако случилось, к сожалению, так, что уцелели далеко не все, кто смеялся. Не уцелел, увы, и сам Ротов.

Бор. ЕФИМОВ.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ РОТОВА К. П.

1902 год. Родился в г. Ростове-на-Дону в семье донского казака... Любовь к рисованию у меня развилась рано и прочно укрепилась в художественном училище.

1916 год. Задолго до окончания этого училища первые мои карикатуры были напечатаны в петроградском журнале «Бич», куда, желая сделать мне приятные, отец в 1916 году послал их без моего ведома. С этого момента, считаю, началась моя постоянная работа в печати.

До установления Советской власти на Дону мои рисунки печатались в журнале «Донская волна» и газете «Ростовская речь».

1920 год. С первых же дней установления Советской власти начал работать в Дон-РОСТА, Политпросвете и ростовском отделении Госиздата...

В 1921—1922 годах получил в Москве первый серьезный заказ на иллюстрирование сказок Андерсена и братьев Grimm.

В 1922—1923 годах начал работать в журнале «Крокодил» и постоянно в нем печатался до 1940 года. За этот период был сотрудником многих журналов и газет. Сейчас мне трудно вспомнить все названия изданий, но вот приблизительный их перечень: «Правда», «Рабочая газета», «Смехач», «30 дней», «Лапоть» и др.

С 1920 по 1940 год проиллюстрировал много книг. Вот только часть из них: сказки Андерсена, сказки братьев Grimm, сказки Салтыкова-Щедрина. Книги советских писателей: К. Чуковского, С. Михалкова, А. Барто, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Катаева, И. Уткина и др. Работал и над оформлением театральных постановок.

В 1939 году по моему эскизу делалось панно для советского павильона на Нью-Йоркской выставке...

В 1940 году был арестован по ордеру Берии и пробыл в ИТЛ до 4 января 1948 года. По возвращении я начал работать над иллюстрациями к роману А. Франса «Современная история», над детской книгой С. Михалкова «Дядя Степа» и над сказками Пушкина. Завершить начатое не удалось, так как без предъявления каких-либо обвинений был отправлен на бессрочное поселение в С.-Енисейск.

В 1954 году решением Военной коллегии Верховного суда СССР был от ссылки освобожден и полностью реабилитирован...

* * *

6 января 1959 года Константина Павловича Ротова не стало...

Евгений ГУРОВ

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ЛОШАДЬ

Гай Светоний Транквилл, рассказывая о жизни Божественного Августа, римского императора, говорил: «Обрисовав его жизнь в общих чертах, я остановлюсь теперь на подробностях, но не в последовательности времени, а в последовательности предметов, чтобы можно было их представить нагляднее и понятнее».

Жизнь Константина Павловича Ротова в общих чертах обрисована в его автобиографии, и я могу перейти к подробностям. Я расскажу о нем все, что знаю. Что видел сам, что рассказал мне Константин Павлович и что рассказали те, кто его знал.

* * *

Мне позвонил Виталий Стацинский из «Веселых картинок»:

— С тобой хочет познакомиться Ротов.

Я ответил длительной паузой. Просто, как сказал классик, «в зобу дыханье сперло». Со мной хочет познакомиться сам Ротов! Ротов, рисунки которого я знаю с детства. Вырезал их из «Крокодила» и других журналов.

На другой день я познакомился с Константином Павловичем.

— Мы с твоим папой знакомы были давно, — сказал Константин Павлович. — По Союзу художников. А вот подружились в Северо-Енисейске. В ссылке. А до того по 8 лет провели в лагерях. Правда, в разных местах. Я — в Соликамске, а папа твой — на Колыме. У нас и статья была одна и та же — пятьдесят восьмая... Папа твой работал в клубе художником. Я тоже там подвизался. Мы, как могли, старались скрасить быт ссыльнопоселенцев. Однажды украсили зал дружескими шаржами на ссыльных и даже на местных милиционеров. Я нарисовал, и папа сочинил эпиграммы. Все очень веселились. А на другой день пришел Саша, бледный и расстроенный: «Как бы нам, Костя, снова в лагерь не угодить. Разговоры идут по городу, что шаржи наши — издевательство над работниками советских органов милиции». Но, к счастью, разговоры скоро стихли и все обошлось...

Я стал бывать у Ротова. С ним было интересно! Лагерь и ссылка не

убили в нем великолепное чувство юмора. Огромного интереса ко всему новому и просто мальчишеской любви ко всякой технике.

Построили новый мост в Лужниках — и Константин Павлович поехал посмотреть. Появились кухонные комбайны — и Константин Павлович немедленно приобрел. Сам возился с комбайном. Впрочем, недолго. Что-то случилось с этой замечательной машиной, и она стала расшвыривать мясной фарш по всей кухне. К великой, впрочем, радости Кисы-Муры, ротовской любимицы.

Новый фотоаппарат оказался непригодным для съемки с близкого расстояния, а Ротову, обожавшему все живое, надо было снимать и насекомых. Муравьев, к примеру. И пришлось купить другой аппарат. Более совершенный.

Любовь к животным приводила Константина Павловича в зоопарк. Он не развлекался там. Он изучал и запоминал. (Зрительная память у него была феноменальная.)

— В каждом человеке я вижу черты какого-нибудь животного, а в каждом животном — что-нибудь человечье, — говорил Ротов.

Константин Павлович начал работу над серией сатирических портретов, герои которых имели черты животных. Бюрократ — бегемота. Зазнайка — верблюда... Он сделал четыре листа. Два из них были опубликованы. Потом тогдашний редактор «Крокодила» спохватился: да разве в лице советского человека могут быть черты животного?! На том и кончилась работа над серией.

Это было в пресловутую эпоху «бесконфликтности». Тогда родилось понятие «положительная карикатура». Один «специалист» по сатирической графике сообщал в своей книге: «Положительная карикатура чрезвычайно характерна для нашей советской сатиры именно потому, что коренным образом изменилась ее роль в нашей стране». И еще: «Наряду с бичеванием всего негодного крокодилские художники не могут не отмечать на страницах журнала то радостное, светлое, героическое, чем полна жизнь».

За долгие годы, проведенные в лагере и ссылке, Константин Павлович соскучился по Москве, по москвичам... Для больших прогулок не было сил, но выход из положения он нашел. Садился в трамвай и ехал до конца маршрута. Потом назад. Потом менял маршрут. И снова туда. И снова обратно. За окном были люди, автомобили, дома. Да и в вагоне было на что посмотреть. Пассажиры постоянно менялись, а для карикатуриста это были будущие герои его рисунков. Все изменилось кругом за годы его отсутствия. И одежда, и лица, и поведение людей.

— Можешь по памяти нарисовать троллейбус? — спросил меня Константин Павлович.

— Вроде могу, — неуверенно ответил я.

— Помнишь, сколько окон в троллейбусе?

Я задумался и, почесав в затылке, сознался:

— Нет. Не помню.

Константин Павлович взял листок бумаги и остро отточенным карандашом быстро нарисовал троллейбус. И окна, и двери, колеса и прочее — все было точь-в-точь и все на месте!

— Люблю хорошие материалы для работы: бумагу, краски, кисти... — говорил Константин Павлович. — Когда вижу чистый лист хорошей бумаги, тянет сесть за работу. И хороший карандаш тянет... Мне подарили несколько карандашей, китайских. Возьми для пробы.

— Вы думаете, это отразится на качестве моих рисунков? — пококетничал я.

— Конечно. Ведь если карандаш плохой, если крошится или попадают в графите камушки, ты же нервничаешь, уже не получаешь от работы удовольствия. А уж это-то на качество влияет.

Карандаш китайский я храню до сих пор: Ротов подарил!

— Константин Павлович, а вы не пользуетесь стеклом с подсветкой?

— Это зачем?

— Ну если что-то надо исправить. Если захотелось что-то изменить. Можно быстро перевести рисунок...

— Да нет. Я заканчиваю рисунок на том листе, на котором начал...

* * *

Я не расспрашивал Константина Павловича о пережитом, но иногда в разговоре он касался этой темы:

— Когда меня арестовали, я сказал жене, что вины за мной никакой нет. Что, конечно, во всем разберутся и я скоро вернусь домой...

Точно такую фразу я услышал от своего отца, когда его увели. Теперь-то я знаю, что с этими словами уходили миллионы людей. Но возвращались они очень не скоро, а многие не вернулись вовсе...

Константин Павлович рассказывал:

— Следствие вел Влодзимирский. Высокий, стройный красавец. Он сажал меня перед собой. Придвигал к моему лицу настольную лампу и направлял свет мне в лицо. Мощная лампа так сильно светила и грела, что, казалось, вот-вот глаза лопнут. Потом красавец снимал с левой руки часы и надевал на правую. Он был левша. Я знал — будет бить. А он не просто бил, а пытал, да так, что и вспоминать об этом страшно, — говорил Константин Павлович. — Иногда он на сутки (!) запирает меня в маленькую камеру, скорее в шкаф. Там не то что лечь, сидеть было нельзя. Только стоять. Сутки... Одно время держал меня в одиночной камере. Для меня это тоже было пыткой. Я очень тяжело переносил одиночество. Чтобы не сойти с ума, я рисовал. Маленьким обмылочком — на брюках. Рисовал, стирал нарисованное и снова рисовал...

— Я человек не злой, — говорил Константин Павлович, — но этому красавцу я желал смерти. И Бог услышал мои молитвы. Вслед за Берией, в числе других, был расстрелян и мой следователь... Однажды в камеру мне принесли чистую рубашку и приказали надеть. Через некоторое время повели куда-то. Привели в большой кабинет. Огромный

— От одного я охотно бы отказался — от права на труд.

письменный стол. Красивые массивные кресла. Один из ящиков стола выдвинут. В нем видны резиновая дубинка и пистолет. Неожиданно открылась дверь, которую я сначала не заметил, из нее появился Берия. Он долго рассматривал меня. Потом спросил: «Почему вы не в партии?..» — и, не дожидаясь ответа, ушел. Видно, наркому любопытно было взглянуть на карикатуриста — «врага народа», ордер на арест которого он собственноручно подписал.

Вопросы ведения допроса были отработаны четко. Хлебнув ада общения со следователем, человек был готов сознаться в чем угодно. Судите сами.

ИЗ ПРОТОКОЛА ОЧНОЙ СТАВКИ:

«Вопрос Храпову: В своих показаниях на следствии вы признали, что являлись агентом германской разведки. Вы это подтверждаете?

Ответ: Да, подтверждаю.

Вопрос Храпову: С кем вы были связаны по шпионской работе?

Ответ: По шпионской работе в пользу германской разведки я был связан с Ротовым Константином Павловичем.

Вопрос Ротову: Правильно ли показывает Храпов?

Ответ: Да, Храпов показывает правильно. Я действительно был с ним связан по шпионской работе в пользу германской разведки.

Вот так! Но кто же этот «Храпов»?

ИЗ ПРОТОКОЛА ПЕРВОГО ДОПРОСА РОТОВА К. П.

«Вопрос: Назовите ваших наиболее близких друзей и знакомых.

Ответ: Наиболее близкими мне из моих друзей и знакомых являются следующие лица...»

И Константин Павлович назвал четырех художников-крокодилцев: Льва Григорьевича Бродаты, Юлия Абрамовича Ганфа, Николая Эрнестовича Радлова и еще одного «близкого друга», который в моем рассказе фигурирует как «Храпов».

Что же надо было сделать с людьми, недавно близкими друзьями, чтобы один оговорил другого, а тот сделал такое признание?

«Москва цепенела в страхе. Кровь лилася в темницах... Нет исправления для мучителя, всегда более и более подозрительного, более и более свирепого; кровопийство не утоляет, но усиливает жажду крови: она делается лютейшей из страстей». Это что, о вожде всех времен и народов? Вовсе нет. Это о царе Иване Грозном из карамзинской «Истории государства Российского». А как похоже!

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПАНОВА:

«Вопрос: Что вы можете показать о конкретных фактах антисоветской деятельности Ротова?

Ответ: В 1934 году, не помню в каком месяце, Ротов принес в редакцию «Крокодила» карикатуру, изображавшую дискредитацию советской

торговли и советской кооперации. Эту карикатуру видел ряд сотрудников редакции, большинство которых возмущались ей. Других конкретных фактов, относящихся к 1934 году и началу 1935 года, я сейчас припомнить не могу...»

Думаете, следовательно раздобыл рисунок, чтобы превратить его в «вещдок»? Ему и без того все было ясно.

А в результате допросов и очных ставок появляется «Обвинительное заключение». В этом документе Константину Павловичу припомнили, что до прихода красных в Ростов он сотрудничал в «реакционном органе контрреволюционного донского казачества журнале «Донская волна». Было ему тогда 17 лет.

Говорится в документе, что: «В 1929 году Ротов установил шпионскую связь с германским агентом Храповым, по заданию которого собирал материалы для германской разведки.

Работая в редакции журнала «Крокодил», распространял антисоветские клеветнические анекдоты и карикатуры.

Как германский шпион изобличается показаниями Храпова. В антисоветской работе показаниями Панова и другими документами».

(На документе дата: 9 мая 1941 года. Такой вот день «победы». А арестовали Ротова 22 июня 1940 года. Известные даты. Только года не совпадают.)

Документ подписали: начальник следственной части НКГБ майор государственной безопасности Влодзимирский, его заместитель капитан Эсаулов и мл. лейтенант госбезопасности Сидоров. Собственноручно утвердил документ сам заместитель наркома государственной безопасности СССР, комиссар государственной безопасности 3-го ранга Кубулов.

* * *

В комнате Киры Владимировны, покойной жены Ротова, висит его портрет. Товарищ по лагерю — художник Константин Иванович Лебедев — изобразил Константина Павловича с котом на руках. Кота этого звали Мордафон. Он был всеобщим любимцем и доставлял заключенным много радости. Но беднягу Мордафона постигла трагическая судьба. Он был съеден. И съеден, что особенно обидно, любителем поэзии. Старик, убивший Мордафона, никогда не расставался с томиком стихов древних греческих поэтов. Одним словом, был он интеллигент и лирик и поступил так с Мордафоном, конечно же, не от хорошей жизни...

Филипп Максимович Тольцинер и Николай Николаевич Ульрих (не путать с В. В. Ульрихом — председателем Военной коллегии) познакомились в дороге. В Усольяг ехали в одном вагоне. В лагере «шпионы» (один родился в Германии, другой побывал в заграничной командировке) подружились между собой и оба с Константином Павловичем.

Филипп Максимович был почти коллегой Ротова. Он — архитектор. Для него, как ни странно, в лагере нашлась работа. Ведь и барак без чертежей и привязки к местности не построишь. А уж тем более клуб...

— Однажды, — рассказывал Николай Николаевич, — Филипп Максимович купил в ларьке колбасы и часть ее принес Ротову. Он пришел в художественную мастерскую, но, не застав Константина Павловича, Филипп Максимович решил его дожидаться. Того долго не было. Голодный даритель стал понемножку отщипывать от куска колбасы, а заодно и от ротовской пайки хлеба, лежавшей в тумбочке. Короче говоря, Филипп Максимович друга не дождался, но оставил ему записку: «Костя, я принес тебе колбасу из ларька, но очень хотел есть и съел ее вместе с твоей пайкой хлеба. Я оставил маленький кусочек колбасы, чтобы ты знал ее вкус и запах».

И представьте, Ротов его простил. Его поразительное умение во всем увидеть смешное сработало и на этот раз. Впрочем, все мы были постоянно голодны и оттого хорошо понимали друг друга.

«Я здоров, работаю, и мне ничего не надо», — писал жене Константин Павлович. И в другом письме: «...Я не нуждаюсь сейчас в помощи. В каждом письме об этом прошу... Пусть даже в голову тебе не приходит мысль посылать деньги или посылки».

— Я освободился немного раньше Ротова, — рассказывал Филипп Максимович, — но из Соликамска не уехал. Просто некуда было ехать. Когда освободился Константин Павлович, он поселился у меня.

В письме из лагеря Ротов сообщил: *«Для Соликамского краеведческого музея в течение нескольких лет я делал много работы, за что деньги получал, конечно, «дядя». После же своего выхода я смогу работать и для себя, это для того, чтобы чувствовать себя свободнее на первых порах... Работы много, и директор музея, очень милый и симпатичный старичок, еще верит в меня как в художника (что, может быть, и легкомысленно с его стороны)».*

А в другом письме, уже выйдя на волю и поселившись у Тольцинера, он признался: *«...мне хочется вообще прийти в себя, осмотреться и выкнуть к новой обстановке. Ибо мое теперешнее положение по сложности переживаний и ощущений ни с чем не сравнимо. В кармане у меня уже есть паспорт, правда, паршивенький, но все же паспорт...»*

* * *

Вешаю я как-то пальто в прихожей, а из комнаты Константина Павловича раздается веселый смех, точнее, хохот. Вхожу.

— Знакомся, — говорит мне Ротов, — это бывший главный инженер Шатурской электростанции.

Константин Павлович налил мне чаю и спросил:

— Знаешь, чего мы смеемся? Вспомнился случай один. Гнали нас этапом. Когда проходили через деревни, сердобольные люди кидали нам то хлеба кусочек, то картофелину в мундире. Конвоиры на это смотрели сквозь пальцы. Но почему-то бдительно следили, чтобы соли нам не передали. И вот конвоир заметил, что соли кулечек кто-то бросил. Прошли мы в деревню, и остановили нас в чистом поле. Приказали раз-

деться и разуться. И стали одежду нашу обыскивать. Вот и вспомнили мы, как плясали голые на снегу. Какие колени выкидывали, чтобы не заоченеть. Мороз-то был тридцать да с ветерком. А соли не нашли. Надели мы свою промерзшую одежду и пошли дальше. Видно, померещилось конвоиру.

Рассказывая о тюрьме или лагере, Константин Павлович почти не пользовался жаргоном тех мест. В речи его очень редко мелькали «шмоны», «вертухай», «паханы» и прочее.

— Хуже всего в лагере было людям необщительным и тем, кто юмора не любит или не понимает,— рассказывал Константин Павлович.— Оказался в лагере нашем молодой парень. Эстонец. Тяжелоатлет. Мастер спорта. Богатырь. По-русски говорил очень плохо. И, видно, поэтому друзей в лагере у него не было. И давило на него одиночество и сознание «отсутствия состава»... Чах он на глазах. Сгорел буквально за два месяца.

— А вот другой пример. В одной камере со мной сидел пожилой профессор. Он страшно был подавлен тюремной обстановкой, следствием и сознанием своей невинности. Он жаловался мне: «Константин Павлович! Не могу я привыкнуть к своему унижайшему положению. К тому, например, что в уборную меня провозжает офицер. И пока я там, я не могу закрыть дверь. А он стоит передо мной и наблюдает. А потом дает мне клочок газеты и, предварительно заглянув в унитаз, спускает воду... Ужасно все это...» «Ну что вы, профессор,— я ему говорю,— это же прекрасно. То, что офицер стоит у открытой двери, это он заботу проявляет. Смотрит, удобно ли вам. Ну а что в унитаз заглядывает, так это оттого, что работа вашего желудка его беспокоит. Здоровье ваше его волнует. Ну а воду сам спускает, чтобы вас не затруднять». И первый раз после появления в камере профессор улыбнулся. «Очень,— говорит,— вы меня утешили, Константин Павлович. Если научусь смотреть на все вашими глазами, то, глядишь, и выживу!»

— Между прочим, в лагере,— рассказывал Константин Павлович,— я узнал, как я знаменит. Ко мне подходили товарищи по несчастью и спрашивали, не тот ли я Ротов, который нарисовал «скандал на кухне».

Но надо сказать, «известность» — понятие довольно относительное. Вот что сообщал Константин Павлович в одном из писем: *«Мама написала прокурору и Вяч. Мих. (В. М. Молотову.— Е. Г.) От первого на этот раз имела запрос: «Кто я и где работал?» Неужели 17 лет непрерывной работы в «Крокодиле» и в центральной печати могут быть незаметными?»*

Уже теперь мне приходилось встречать много людей, совершенно мне незнакомых, знающих меня куда лучше, чем люди, которые исковеркали мне жизнь.

Один инженер прислал мне привет и говорит, что согласен пробывать в этих местах еще пять лет, только бы я работал и давал людям возможность посмеяться».

— Однажды,— вспоминал Ротов,— старшина заказал мне ковер. Он

- Чего ты такой скучный, ведь третий раз в этом году женился...
- Понимаешь, разговорился с женой, то да се, оказывается, мы уже были в позапрошлом году женаты...

принес байковое одеяло, которое я должен был превратить в ковер. Старшина подробно рассказал сюжет. Сзади, слева — море. В море лодка с белым парусом. Сзади, справа — горы. На вершинах — снег. На первом плане действующий фонтан. У фонтана со сходством (старшина принес фотографию) должна быть изображена его любимая девушка. Рядом играет патефон. На пластинке мелко написано название любимой девушки песни. А над девушкой летит голубь, который держит в зубах (!) письмо от старшины, о чем говорит надпись на конверте... Заказ я выполнил. Старшина был доволен, и я получил великолепный гонорар: полбуханки черного хлеба. Правда, одно условие я не выполнил. Но старшина на «зубах» не настаивал...

* * *

— Константин Павлович, я тут перелистывал старый журнал «Искусство». Там были репродукции двух панно для Советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Среди фамилий живописцев я увидел фамилию «Ротов». Это уж не вы ли? — спросил я, уверенный, что речь идет об однофамильце.

— Представь себе, Женя, это я. Панно написаны по моим эскизам. За двое суток я сделал эскизы. Все персонажи с портретным сходством.

На панно были десятки людей. И Папанин, и Качалов, и Стаханов, и Дуся Виноградова... На двух панно — человек семьдесят! Потрясающе!

Некоторые подробности я узнал недавно от участника этой работы академика Деметрия Алексеевича Шмаринова:

«Когда созрело решение украсить Советский павильон на Всемирной выставке в Нью-Йорке огромными панно (170 квадратных метров), на которых изобразить надо было лучших людей страны, стало ясно, что работу эту надо поручить Василию Прокофьевичу Ефанову. Он к тому времени уже прославился исполнением ответственных госзаказов.

Ефанов был прекрасным организатором и сколотил отличную бригаду. В нее входили живописцы Пластов, Нисский, Бубнов и еще несколько человек. В том числе и я.

Но что меня, откровенно говоря, удивило, так это то, что первым в списке Ефанов поставил фамилию сатирика, графика К. Ротова. Но объяснялось все очень просто: Василий Прокофьевич знал великолепное умение Ротова создавать многофигурные композиции.

Константин Павлович очень быстро сделал акварельные эскизы. Там были и портретное сходство (список изображаемых оговаривался в госзаказе), и компоновка групп, и масштабное удаление.

Это происходило в конце печально известных тридцатых годов. Мы то и дело были вынуждены кого-то убирать с полотна, кого-то добавлять. А Ефанову эту работу пришлось продолжить даже в Америке, в павильоне. Он и там переписывал некоторые лица.

Но, несмотря на все перипетии, работа наша получила высокую оценку. Ведь фальшивая патетика тех лет на панно присутствовала».

1936 год. Гражданская война в Испании. В каждом номере «Крокодила» один-два рисунка на эту тему. А однажды позвонили «сверху» и сказали, что «есть мнение» о необходимости выпуска специального номера журнала, посвященного событиям в Испании.

И возникла в редакции небольшая паника. Очередной-то номер уже готов. Не паниковал только Ротов. Проработав ночь, он утром следующего дня явился в редакцию с макетом испанского номера. И в нем были не просто отведены места для рисунков, а сделаны их подробные эскизы. И подписи к каждому. Обозначены места для фельетонов и стихов.

Крокодилыцы от макета пришли в восторг. Номер должен получиться отличный. Но времени не оставалось... Завтра — в типографию!

Два-три рисунка на испанскую тему в редакции были.

— Остальные сделаю к утру, — сказал Константин Павлович.

И, не поспав еще одну ночь, он принес в редакцию готовую обложку и три страничных рисунка. И все это на высочайшем профессиональном уровне. На ротовском уровне!

Номер, посвященный испанским событиям, стал одним из лучших за семьдесят крокодилских лет.

Как-то Константин Павлович сказал мне:

— Вчера получил письмо от Храпова, человека, который оговорил меня на допросе. Показания его были причиной моего ареста. Однажды мы встретились с ним в пересыльной тюрьме. Он слезно просил прощения. Даже на колени становился. Но не смог я его простить... Потом он приезжал в Москву, но ко мне зайти не решился. Мне позвонил Коля Соколов и сказал, что Храпов хочет меня видеть. Я сказал Коле, что зла этому человеку не желаю, но и видеть его не могу. А теперь вот письмо... Снова просит прощения. Нечего мне ему ответить. Ничего я ему не напишу...

Были в письме такие строки:

«Вспоминая вновь и вновь историю моей катастрофы, я все же прихожу к печальному выводу, что, если, не дай бог, со мною вторично случится то же самое, то я снова поступлю так, как поступил, ибо есть предел сил каждого человека. Я сопротивлялся столько, сколько у меня было сил, и сдался только после того, как этих сил не стало. Ведь мы попали в руки многоопытных палачей, которые искусно сочетали в своей работе мучения физические с моральными... Я прошу тебя быть снисходительным ко мне и, если можешь, простить мне все зло, которое я причинил тебе».

Отбывший лагерный срок и ссылку, поселившийся далеко от Москвы, Храпов долго не решался послать рисунки в «Крокодил». Он пони-

мал, что крокодилы относятся к нему, как к человеку, погубившему Ротова. Но в 1959 году он все же прислал несколько рисунков. В редакции долго думали, стоит ли их печатать... Не травмирует ли это Константина Павловича? А когда тяжелая болезнь уложила Ротова в постель, рисунки отправили Храпову. Через некоторое время Константина Павловича не стало. Храпов получил бандероль с рисунками одновременно с известием о смерти Ротова. И человек, хлебнувший копмаров Лубянки и ГУЛАГа, много лет терзаемый угрызениями совести, удара этого не перенес и через несколько дней скончался. Судьба трагическая...

* * *

— Константин Павлович, как вас встретили коллеги, когда вы появились в Москве, отбыв лагерный срок?— спросил я.

— Откровенно говоря, не все стремились со мной встретиться. Ведь я не был реабилитирован... Первым ко мне пришел Бродаты Лев Григорьевич. До моего ареста я часто бывал у него: мы проводили с ним шахматный турнир на звание «чемпиона мира» из тысячи партий... Придя, он держался так, как будто не восемь лет прошли с последней нашей встречи, а пара дней. Он пришел и сказал: «Константин Павлович, вы забыли у меня свои папиросы». Он достал из кармана начатую пачку и вручил мне. Это были папиросы, выпуск которых прекратился перед войной. Он хранил их восемь лет! Пока жив, буду это помнить...

* * *

«Когда мы были молоды, — рассказывал мне Ротов, — мы очень много работали, но и отдыхали весело. Какие вечеринки закатывали! Животы потом болели, но не от съеденного и выпитого, а от того, что смеялись много.

Мы и дачи снимали коллективно. Мне пришлось жить в одной с Ильфом и Петровым. Интересно было наблюдать, как соавторы работают. Они тогда писали свой роман. Рано утром усаживались на террасе и приступали к делу. Иногда между соавторами возникал творческий спор, переходивший в конфликт. Тогда можно было услышать голос одного из них. К примеру, Ильфа: «Женя, вы дурак!» После этого друзья расходились по своим комнатам и два-три дня не встречались. Потом в один прекрасный день рано утром они, не сговариваясь, являлись на террасу и дружно принимались за работу.

И на курорте собирались, — продолжал Константин Павлович, — целыми компаниями. Однажды в одном санатории очутилось несколько художников и литераторов, москвичи и ленинградцы. И должен был приехать еще один ленинградский литератор. Решили его разыграть.

По приезду ему полагалось явиться к врачу. Он и явился. Только врач был ненастоящий. Это был отдыхающий, облаченный в белый халат. Знакомы они не были.

— Раздевайтесь, — сказал «врач».

Ленинградец разделся до пояса.

— Нет, все снимайте, — сказал «врач».

Ленинградец удивился, но снял и остальное.

— Положите руки на бедра и сделайте семь приседаний.

Ленинградец сделал.

— Теперь подскоки. Чем выше, тем лучше.

Ленинградец запрыгал. А в это время вся наша компания давилась, сдерживая смех, прикинув к неплотно закрытой двери.

— Достаточно, — сказал «врач», когда вновь прибывший изрядно вспотел. — Теперь вам сделают промывание желудка...

— Как промывание?! С какой стати? Я на желудок не жалуюсь...

— Дело в том, что мы ввели новую экспериментальную диету, и для чистоты эксперимента желудок должен быть очищен от остатков недietetической пищи. Вот вам направление. Идите в седьмую комнату.

— Ребята, клизму-то мне за что? — кинулся к нам ленинградец.

— Не расстраивайся, — сказал ему один из нас, — иди в седьмую комнату. Отдай сестре направление. Подморгни ей и скажи: «Сделайте мне, как Ротову». И все будет в порядке.

Седьмая комната была кабинетом сестры-хозяйки. К ней-то и явился ленинградский литератор. Он положил на стол бумажку, подморгнув заговорщицки и сказал:

— Сделайте мне, как Ротову...

Сестра-хозяйка выпучила глаза, покраснела и затряслась от возмущения. Некоторое время она не могла вымолвить ни слова. Только тяжело дышала. И вдруг пронзительно завопила:

— Что?! Что я сделала вашему Ротову?! Чего вам от меня надо?! Во-о-он!!!

Литератор вылетел из кабинета как ошпаренный, но, успокоившись, оценил шутку и смеялся вместе с нами», — закончил Константин Павлович свой рассказ.

А в редакции объектом для дружеских розыгрышей служил Леон Георгиевич Генч. Тонкий психолог в своих рисунках, в жизни он был необыкновенно наивен и доверчив. Разыгрывать его было нетрудно. Вот еще одна ротовская «байка»:

«Однажды приходит Генч в редакцию и видит — на стене вывешен приказ: «За грубое отношение к молодым авторам Ротова К. П. от работы главного художника отстранить. Главным художником журнала назначить Генча Л. Г.».

Леон Георгиевич и обрадовался, и растерялся. Увидел меня, подошел:

— Константин Павлович, как же это? За что вас так?

— Да привязались тут ко мне два бездарных начинающих. Рисуют плохо. Надежды никакой. Я им это объясняю, а они ходят и ходят. Я не выдержал и выгнал их. В результате вы теперь главный. Поздравляю!

Тут главный редактор пригласил к себе Генча, Ротова и Ганфа.

— Товарищи, — сказал главный, — надо что-то делать с журналом. Кажется, он начинает надоедать читателю. Думаю, стоит подумать о внешнем виде. Может, изменить формат?

— Можно сшивать журнал не как сейчас тетрадкой, а как альбом, — предложил я.

— Но можно еще оригинальней, — сказал Ганф. — Давайте делать круглый журнал.

— Ну, это уж вы слишком, — заметил Генч. — Сшивать-то как же? Поговорили в этом же духе еще немного, и редактор закрыл совещание, попросив Генча остаться.

— Леон Георгиевич! Грубость Ротова не главное. Главное, что распустил он художников. Рисовать стали небрежно. Кое-как. Особенно обратите внимание на Бродаты.

Генч вышел от редактора озабоченным и тут заметил за столом Льва Григорьевича Бродаты. Тот сидел и исправлял что-то в своем рисунке. А рисунки этого замечательного мастера и впрямь выглядели странно. Что-то заклеено. Что-то закрыто белилами. Что-то стерто резинкой, и бумага на этом месте разлохматилась.

— Что это вы так небрежно рисуете? — спросил Генч.

— А вам что за дело? — поинтересовался Бродаты.

— Вы очень снизили уровень своих работ, — сказал Генч, — и я как главный художник должен от вас потребовать...

— Главный художник?! Ха-ха! Идите все сюда: Генч говорит, что он главный художник! Ха-ха-ха!

Задетый за живое недоверием и насмешками, Леон Георгиевич потащил Бродаты к доске приказов:

— Читайте!

— «За неуважительное отношение к художнику Л. Г. Бродаты Генча Л. Г. от работы главным художником отстранить. Главным художником вновь назначить Ротова К. П.», — прочел Бродаты.

Потрясенный Генч тоже прочел и, не говоря ни слова, поплелся домой...

«Остроумно разыгрывать друг друга, — пишут в книге «Втроем» Курыныксы, — удавалось немногим крокодилцам. Костя это мог.

Однажды, отдыхая в Сочи, он виртуозно слепил из хлебного мякиша скорпиона и положил его на простыню соседу по комнате — художнику Б. Клинку. В другой раз пришел вечером, накрасив губной помадой на своем лице якобы следы поцелуев. При этом прекрасно изображал, будто не ведает об этих «уликах», и живший с ним вместе художник Ю. Ганф смущался, долго не решаясь сказать Косте, чтобы он их смыл.

Не потеряв чувства юмора, любознательности и прочих прекрасных качеств, Константин Павлович в злоключениях своих потерял здоровье. Врачи разрешили ему работать не больше четырех часов в день. Константин Павлович запрет этот нарушал. Он был нужен! Звонили из из-

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

- Это шимпанзе. Он наш близкий родственник.
- Почему же ты не устроил его у себя на службе?

дательства — заказывали книжку. Пришло письмо из Казахстана, из областной комсомольской газеты, — просили карикатуру. «Комсомольская правда» напечатала большую подборку юмористических рисунков на зимние темы. Читатели определяли лучшего художника-юмориста, и Ротов получил первую премию. А «Крокодил» и «Веселые картинки?»

— «Крокодил» — мой долг. «Веселые картинки» — моя любовь, — говорил Константин Павлович и одинаково добросовестно, высокопрофессионально рисовал и для областной газеты, и для всесоюзного журнала.

В «Веселых картинках» Константин Павлович был, конечно, номером первым, хотя рядом с ним работали такие замечательные художники, как И. Семенов, А. Каневский и М. Черемных... Почти в каждом номере печатались на развороте ротовские рисунки. Михаил Михайлович Черемных пошутил как-то: «Отныне Костя Ротов должен называться — Костя Разворотов!»

В одном из номеров 1957 года был напечатан великолепный рисунок Константина Павловича, иллюстрирующий стихотворение С. Маршак:

По склону вверх
Король повел
Полки своих стрелков... и т. д.

— А из чего стрелки стреляют? — спросила меня малолетняя дочь, подписчица и поклонница «Веселых картинок».

Я посмотрел на рисунок и увидел, что «стрелки» вооружены алебардами и мечами и никакого стрелкового оружия у них нет.

Я рассказал об этом разоблачении Константину Павловичу. Он сначала схватился за голову: «Как же это я?!» А потом долго хохотал, держась за сердце.

Незадолго до смерти Константин Павлович слег. Парализовало правую руку. И он попросил планшет, бумагу, карандаш и настойчиво стал учиться рисовать левой рукой. Не рисовать он не мог.

8 января 1959 года, прикованный болезнью к постели, Борис Иванович Пророков записал в своем дневнике:

«В данный момент в Московском Союзе художников товарищи прощаются с К. П. Ротовым. Вчера вечером из «Вечерней Москвы» я узнал о смерти этого замечательного и неповторимого художника».

В «Крокодиле» была создана комиссия по похоронам. Втроем мы отправились в Моссовет. Нас радушно принял заместитель председателя исполкома, ведавший коммунальными делами, а значит, и кладбищами. Он усадил нас на мягкие, с художественной резьбой стулья и приготовился слушать.

— Умер художник Ротов. Один из корифеев «Крокодила». Мы хотели бы похоронить его на Ваганьковском кладбище...

— А кто он, этот Ротов? — поинтересовался зампред.

— Замечательный, всемирно известный художник, — объяснил Егор Горохов.

— А звания у него какие?
— Званий у него нет...
— Ну и что ж вы хотите? Вот умрет, к примеру, академик — пожалуиста, хоть на Новодевичье. — И зампред, расплывшись в доброй улыбке, широко развел руки, как это делают, говоря «Добро пожаловать!» или показывая, какие осетры водились когда-то в Волге.

* * *

Похоронили Константина Павловича на Введенском кладбище. Когда могила была засыпана и все, постояв немного, двинулись к выходу, высокий мужчина с пышной седой шевелюрой остался...

— Идите, — сказал он. — Я отпою Константина Павловича.

Это был отец Виктор. Тот самый ссыльный священник, который отпевал в Северо-Енисейске моего отца. И в могиле отца есть горсть земли, брошенная Константином Павловичем Ротовым.

* * *

И еще одна запись в дневнике Бориса Ивановича Пророкова:

«Вечером зашел Коля Соколов... Принес свои рукописи... Все очень интересно, особенно значительно — о встрече с К. Ротовым в Соликамске».

А я и не знал, что Николай Александрович Соколов встречался с осужденным Ротовым!

Позвонил я Николаю Александровичу:

— Это ж мужественный поступок! В то время!.. Это ж риск!..

— Никакого героизма. Просто я очень любил Костю Ротова. И, главное, был убежден, что он ни в чем не виноват... Я полюбил его задолго до того, как мы познакомились. Еще в молодости, когда жил в Рыбинске. Вырезал из журналов его рисунки. Даже пытался ему подражать...

— Но ведь ваши воспоминания напечатать надо!

— Ну кто же, Женя, это напечатает?

И правда, в то время (1979 год!) о публикации такого рода не могло быть и речи... Но о встрече с Ротовым Николай Александрович мне рассказал:

«В 1943 году в «Крокодил» пришел майор, который сообщил, что служит в лагере в Соликамске, где находится Константин Павлович. Ротов работает в клубе и очень нуждается в материалах. Нет красок. Кисти он делает сам из конского волоса...

Мы передали Косте и кисти, и краски.

В том же году в Третьяковке готовилась наша, Кукрыниксов, персональная выставка. Часть картин была эвакуирована и хранилась в Соликамске. Мне предстояло туда поехать, и я решил, что должен повидать Костю. Понимая, что это не просто, я обратился в ГУЛАГ. Со мной поговорил большой начальник. Он сказал, что Кукрыниксов знает. Знает и наши работы. Знает и про танк. Дело в том, что незадолго до этого

мы получили Сталинскую премию и денежную ее часть отдали на строительство танка. Я попросил разрешения на свидание. «Как правило, мы этого не разрешаем, но в виде исключения...»

Прибыл я в Соликамск в июне. Явился в контору лагеря. Оказалось, разрешение на свидание уже получено. До лагеря — три километра. Я было собрался туда идти, но мне сказали, что приведут Ротова сюда. И действительно, в сопровождении двух вооруженных конвоиров явился Костя. Мы обнялись, расцеловались.

В комнатухе, кроме нас, были два конвоира, майор, который приезжал в Москву, и еще кто-то в штатском в углу за столиком.

«Коля, я ни в чем не виноват!» — шепнул мне Костя. Я сказал ему, что мы хлопочем о пересмотре дела. Костя спросил о дочери. Я рассказал ему, что видел ее перед отъездом. Что она подросла и похорошела. Ротов рассмеялся: «Как она могла похорошеть, если она на меня похожа?»

Поговорили мы минут двадцать, и Костю увели».

В письме из лагеря Ротов сообщил дочери: «Недавно виделся с Колей Соколовым. Он мне рассказал о тебе. Этих комплиментов писать не буду, чтобы ты не возгордилась».

«Когда я вернулся из Соликамска, — продолжал Николай Александрович, — крокодильцы по очереди тянули меня за рукав и, затащив в уголок, шепотом спрашивали: «Ну, как там Ротов?»

Отбыв срок, Ротов прописался в Кимрах. В городе, определенном ему для жительства. Костя нарушал порядок и бывал в Москве. Как-то он продемонстрировал мне, как в порядке конспирации ходил мимо окон, низко пригнувшись. Впрочем, вскоре его снова арестовали и сослали в Северо-Енисейск.

В 1954 году Ротова реабилитировали. Он пришел к нам в мастерскую и сказал: «Ехал я сейчас в троллейбусе и сидел развалюся, заняв два места сразу. Я же свободный человек! Так мне было хорошо!»

* * *

В те чудовищные времена находились люди, которые пытались помочь Константину Павловичу. Не раз писали в «инстанции» Кукрыниксы. Писали и другие.

В 1944 году поэт Василий Иванович Лебедев-Кумач обратился с письмом в Верховный суд СССР и получил от его председателя И. Голякова такой ответ: «Прокурор Союза ССР сообщил мне, что дело Ротова Константина Павловича проверено, вина Ротова установлена и основной для пересмотра дела нет».

Василий Иванович писал еще, но ответы были такими же.

* * *

«Огонек» опубликовал главы из книги Камилы Икрамова «Дело моего отца». Камил — сын посмертно реабилитированного первого секре-

таря ЦК КП(б) Узбекистана Акмаля Икрамова. Отец был расстрелян, а сын отведан и лагеря, и ссылки.

В «Огоньке» я прочел: «Я знал... что постепенно подбирают всех, кого выпустили из лагерей по окончании срока. Поживет человек год-два на свободе где-нибудь вдалеке от столиц, а его опять возьмут, а что сделают — неизвестно. Сгинет, и все. Так уж кое-кто исчезал. Дядя Костя Ротов, например».

Я позвонил Икрамову:

— Камил, здравствуйте. Моя фамилия Гуров...

— Женя Гуров? Я вас прекрасно помню. Помню, как был у вас дома. Рассказ Веры Серафимовны о пленуме ЦК партии Узбекистана, о том, как исключали из партии моего отца, я привел в своей книге.

Вера Серафимовна — моя теща. В трагические для Акмаля Икрамова времена она работала в Узбекистане.

— Камил, вы знали Ротова?

— Я встретился с ним в лагере, в Соликамске. Но встреча была короткой. Если хотите побольше узнать о лагерной жизни Ротова, поговорите с Таничем.

Я, конечно же, позвонил известному поэту Михаилу Таничу:

— Михаил Исаевич, Икрамов сказал мне, что вы знали Ротова...

— Знал ли я Ротова?! Да он жизнь мне спас! Но по телефону всего не расскажешь.

Мы договорились о встрече. И не только договорились, но и встретились. Вот его рассказ:

«Сначала о том, как я попал в Усолылаг МВД СССР, в котором отбывал свой срок и Константин Павлович. Демобилизовавшись после войны из армии, я поступил в Ростовский инженерно-строительный институт на архитектурный факультет. Проучился я недолго. Вскоре меня арестовали. Был я молод, наивен и рассказывал однокурсникам о том, какие великолепные автострады в Германии. А потом на вопрос следователя: «Что ж, наши дороги хуже?» — признался, что, конечно, хуже. И все стало ясно: воспевание капиталистического образа жизни и клевета на социалистический».

Я долго сопротивлялся, не подписывая протоколы допросов. На допросах, которые длились по многу часов, следователь не давал задумать. А надзиратель следил, чтобы я не заснул и в камере.

Следователь Ланцов,
мастер ночных допросов,

он мне говорил:

— Подписывай!

Туды твою мать,

Матросов!

А я, приведенный

двумя конвоирами

из внутренней тюрьмы:

— Советская власть
разберется!

— Советская власть
это мы!..

Спор у нас был неравный:
Всю ночь я клевал головой,
а утром меня под расписку
не спать уводил конвой.
Теперь-то и зайцу ясно,
что я затевал бузу,
О чем, как в листе допроса,
расписываюсь внизу».

Тут прерву рассказ Танича, чтобы вставить цитату из недавно прочитанного романа М. Алданова «Ключ». Между письмоводителем и следователем по важнейшим делам происходит такой разговор: «— За границей, я слышал, их измором берут: круглые сутки допрашивают, напролет, пока не сознается. Сами сменяются, а ему спать не дают.

— Не знаю, как за границей, не думаю, чтобы это так было, хоть и я такие рассказы слышал. У нас, во всяком случае, эти способы не допускаются, и слава Богу».

Разговор этот происходил в России, накануне февральской революции. Во времена, когда следователь Ланцов и нарком Берия еще не приступили к своей страшной работе. Они-то зарубежным опытом не гнушались.

«Прокурор требовал пяти лет заключения, — продолжал рассказывать Михаил Исаевич, — но судья не пошел ему навстречу и дал шесть».

Наш этап двигался от Ростова до Соликамска целый месяц. На полустанках поезд останавливался, и заключенных пересчитывали.

«Влево, пулей!» — кричал конвоир, и мы выскакивали из вагона, пулей бежали влево. А конвоир для верности счета стучал каждого деревянным молотком по спине. В общем-то эти молотки служили для простукивания вагонных стен на предмет выяснения их надежности».

Когда мы прибыли в соликамский лагерь, перед строем, кроме охраны и лагерного начальства, появился человек то ли в телогрейке, то ли в бушлате. Это был Ротов.

Он спросил: «Художники есть?» Я как бывший студент архитектурного факультета поднял руку. Поднял руку и мой однокурсник и подельник Никита Буцев.

Так мы попали в художественную мастерскую, которую возглавлял замечательный художник Константин Павлович Ротов. Чего только не делали в этой мастерской! Конечно, наглядную агитацию для лагеря. В мастерской писали копии с известных картин. Особенно котировались Шишкин и Айвазовский. Картины эти продавались в Перми. В лагере еще было налажено производство детских игрушек. Изготовитель на них писался скромно: «Усољлесотрест», а вовсе не «Усољлаг МВД». То,

- Пожарных не встретила?
- Едут. Вон около лесочка обогнала я их.

что дети радовались игрушкам, а взрослые могли украсить свой дом картинами, это прекрасно. Главное же то, что люди, делавшие все это, имели шанс выжить в отличие от работавших на лесоповале. У тех шансы на выживание были ничтожны.

Снова прерву рассказ Танича и процитирую Варлама Шаламова: «Когда я кончил фельдшерские курсы и стал работать в больнице, главный лагерный вопрос — жить или не жить — был снят».

Одних спасала работа в больнице, других — в агитбригаде, третьих — в художественной мастерской и «шарашке», а на лагерном жаргоне звались они «придурками». Но не будь в ГУЛАГе «придурков», и не было бы «Колымских рассказов» Шаламова, не сыграл бы Дикий адмирала Нахимова и вождя всех времен и народов, не написал бы Солженицын своих романов, не сделал бы Ротов великолепных сатирических рисунков и прекрасных книжек для детей.

«Были заказы, — продолжал Танич, — и весьма серьезные, к примеру, оформление Пермской областной сельскохозяйственной выставки. Константин Павлович делал и более ответственную работу. По докладам Сталина выпускались роскошные альбомы. Там были цитаты из докладов и рисунки Ротова. Альбомы эти переплетались в сафьян и отправлялись в Москву, в подарок вождю. Не знаю, держал ли вождь когда-нибудь в руках альбом, оформленный талантливой рукой «врага народа»?

Однажды Константин Павлович поручил мне расписать сани для начальства. Я покрасил их черным лаком. А по этому фону расписал желтыми и красными цветами. Получилось очень красиво.

Ротов пришел принять работу. Оглядел сани и сказал так: «Миша, вы добросовестно и со вкусом выполнили работу, но неужели вам не пришлось в голову, что это цвета флага Германии?» К счастью, лагерному начальству это тоже не пришлось в голову.

— Вот на этой акварели, — показывал Михаил Исаевич, — изображен Константин Павлович. Это работа художника Лебедева. Ротов играет в шахматы с Яковом Г».

Снова прерву рассказ Танича. Вот что писал жене из лагеря Константин Павлович: *«В сентябре — октябре, а может быть, и раньше, у тебя побывает Яков Ефимович. Должен дать его характеристику, чтобы ты знала, кого принимаешь».*

«Это первый человек, с которым меня свела судьба семь лет тому назад и не разлучала до сих пор... Сам он, конечно, будет называть меня самым близким приятелем. Ко мне он всегда был хорошо расположен и, видимо, искренне и дурного (кажется?) ничего для меня не сделал. Человек «с широкой натурой», знает, за что пострадал (миллион растраченных денег, ему не принадлежащих, — говорит, уже все). Летал из Харькова обедать в Москву на самолете...»

«Я сейчас думаю, — продолжал свой рассказ Танич, — почему Ротов пришел тогда встретить наш этап. То ли он узнал, что прибыл этап из Ростова, а ведь он ростовчанин. Может, думал увидеть кого-то знакомо-

го, земляка. То ли просто позарез нужен был художник. А может, и то, и другое?..

Надо сказать, что начальство относилось к Ротову уважительно. Нескольким раз его даже выводили из зоны на этюды. Правда, в сопровождении двух вооруженных конвоиров.

Выпускали мы с Константином Павловичем и «Лагерный Крокодил» на внутрилагерные темы. К примеру, человек, который выдавал нам сахар, нещадно нас обжуливал. Ротов нарисовал на него очень похожую карикатуру, а я сделал подпись в стихах. Фамилия этого человека была Новак, и я, естественно, сыграл на этом. Он-де ловчее управляется со своими гирями, чем известный всему миру чемпион. Карикатуру повесили в столовой. Не знаю, стали ли мы получать больше сахара, но заключенные посмеялись, а смех, говорит наука, для здоровья даже полезней сахара.

В лагере была масса интересного народа. В составе агитбригады был Алексей Дикий. Большой артист, сыгравший (после лагеря) даже самого Сталина! В художественной мастерской работал бывший юнкер, с оружием в руках защищавший в семнадцатом Зимний дворец. А сколько в лагере было людей с другой стороны баррикад, которые Зимний брали?

Я отвлекся... Что же еще о Ротове? Да. Он очень любил насвистывать. И во время работы, и когда отдыхал. Причем, никаких шлягеров. Авторами его любимых мелодий были Вагнер, Григ и прочие классики.

Свяжитесь с моим однодельцем Никитой Буцевым. Я ведь недолго работал в ротовской мастерской. За провинность отправили меня в тайгу, на «общие работы», на лесоповал».

* * *

1948 год. Выйдя на свободу и собираясь в Москву, Константин Павлович писал из Соликамска жене:

«Одет (чтобы ты узнала меня) буду так: защитного цвета телогрейка с «каракулевым» воротником, такая же шапка, вроде кубанки, сапоги (довольно приличные) и галифе... По здешним местам, это выглядит даже элегантно, но в М. мне все же хотелось приехать затемно».

«В Москву меня не пустили. Прописали в Кимрах, — рассказывал Константин Павлович. — Я часто бывал в Москве. И даже оставался ночевать, чего делать, конечно, не полагалось.

Однажды ночью раздался звонок. Вошли двое: «Живущие все прописаны?» «Все!» «Проверим!» И пошли по комнатам. За ними в квартире появилась дворничиха. За ней — понятые. И, конечно, обнаружили меня. А обнаружив, арестовали.

Когда я оделся и был готов идти, жена старшего брата сказала: «Костя, у тебя на пальто оторвалась пуговица. Снимай. Я пришью». И она сказала это с такой уверенностью в своей правоте, что люди, которые могли увести человека не только без пуговицы, но и без пальто, послуш-

но сели на диван и терпеливо ждали, пока Лидия Ивановна не спеша делала свое дело.

Отправили меня в ссылку, в Красноярский край, в поселок городского типа Северо-Енисейск. Навсегда!»

* * *

1953 год. Умер Сталин. Прошло некоторое время, и начались пересмотры дел репрессированных в годы его кровавого царствования.

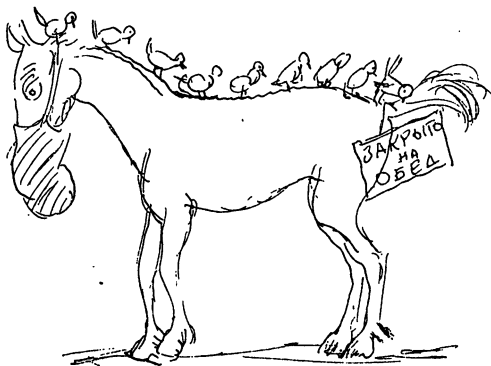
17 июля 1953 года Кукрыниксы снова пишут письмо о пересмотре дела Константина Павловича Ротова. 15 ноября они обращаются к Ворошилову с той же просьбой.

10 февраля 1954 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев дело Ротова К.П., исключает из обвинения две статьи. Отпали шпионаж и измена Родине. Но... «Но осталась статья 58—10, часть 1—«пропаганда и агитация против Советской власти». Осталась «злоплучная лошадь»...

Вот строки из протокола допроса Ротова К.П. от 31 мая 1954 года: «Вопрос: Расскажите, какую карикатуру антисоветского характера вы нарисовали в 1934 году.

Ответ: Никаких карикатур антисоветского характера я не рисовал. Был такой случай в 1934 или 1935 году, точно не помню: я изготовил карикатуру юмористического характера, а именно — лошадь с торбой на морде. От головы до хвоста по спине растянулась очередь воробьев, ожидающих появления помета, которым обычно питаются воробьи. У хвоста лошади была сделана надпись «Закрыто на обед». Никакого антисоветского замысла в эту карикатуру я не вкладывал и вложить не мог. Эта карикатура юмористического характера мною исполнена была по собственной инициативе на темном совещании. Там же я ее показал редактору журнала «Крокодил» Мануильскому Михаилу Захаровичу. Мануильский посмеялся над рисунком и сказал, что этот рисунок можно напечатать. Я возразил ему, что печатать его неудобно, так как он имеет несколько вульгарный характер. Мануильский со мной согласился. Этот рисунок подклеили в альбом редакции, которым пользовались только работники редакции.

Примерно месяца через полтора-два после этого Мануильский мне сказал, что об этом рисунке он рассказал своему брату Мануильскому Дмитрию Захаровичу (секретарю Исполкома Коммунистического интернационала. — Е.Г.), который посмеялся над рисунком. Тут же Мануильский Михаил Захарович попросил меня нарисовать такой же рисунок с тем, чтобы он мог показать его брату. Я эту просьбу исполнил. Впоследствии Мануильский Михаил Захарович говорил мне, что он этот рисунок показывал брату, а брат, в свою очередь, показывал его И.В. Сталину, что Мануильский Дмитрий Захарович и Сталин И.В. остались рисунком довольны и от души посмеялись над юмором этого рисунка. На этом все и закончилось.

Такая карикатура была мною
выполнена в 1934 или в 1935 году.
(точно не помню). Данной реченкой
кроме приложить к протоколу вопроса
от 31 мая 1954 года.

К. Ратнев

31. мая 1954г.

В печати этот рисунок не помещался, поэтому до широкого круга лиц он не доводился. Во всяком случае, никакого антисоветского замысла в нем не было. Начерченную сейчас мною схему этого рисунка я прошу приложить к настоящему протоколу. Обстоятельства изготовления этого рисунка может подтвердить Мануильский Михаил Захарович... Кто из сотрудников журнала «Крокодил» присутствовал на темном совещании в то время, я сейчас не помню. Сохранился ли подлинный рисунок в альбоме журнала «Крокодил», я не знаю».

А рисунок-то в альбоме сохранился! И Кукрыниксы его нашли. Нашли и отправили в прокуратуру. И наконец...

В определении Верховного суда СССР о реабилитации Ротова К. П.

говорится: «... Главная военная прокуратура в своем заключении указывает, что проведенным дополнительным расследованием опровергнуто обвинение Ротова в том, что в 1934 году им была изготовлена карикатура антисоветского характера.

Дополнительным расследованием установлено, что карикатура, которая рассматривалась как антисоветская, в действительности не является таковой.

В настоящее время эта карикатура изъята из редакционного альбома и приобщена к делу».

* * *

В 1957 году к Константину Павловичу пришел молодой, никому тогда еще не известный художник Борис Жутовский. Тот самый Жутовский, творчество которого в присущей ему грубоватой манере заклеил на выставке в Манеже Никита Сергеевич Хрущев. Но это было значительно позже, а в 1957 году Борис принес Константину Павловичу свои первые опыты в юмористическом рисунке. Показать и получить квалифицированный совет.

В первое же посещение, в первые же минуты Борис был потрясен доброжелательностью, вниманием и товарищеским отношением к нему большого мастера. «Я влюбился в него с первого взгляда», — говорил Жутовский. Впрочем, в Ротова все влюблялись с первого взгляда. И Борис стал бывать у него дома и носить свои рисунки.

Будучи начинающим художником, Борис был опытным альпинистом. Мастером спорта. И возникла идея — одну из безымянных вершин Восточных Саян назвать Пиком Ротова. «Восточные Саяны — самое красивое место нашей страны, — говорил Жутовский. — Как еще мог я выразить любовь к этому замечательному человеку?»

В 1958 году группа альпинистов, руководимая Борисом Жутовским и его другом Алексеем Чусовым, поднявшись на безымянную вершину, установила на ней портрет Константина Павловича Ротова.

Есть в Восточных Саянах Пик Ротова! Есть памятник Константину Павловичу Ротову! Хоть и не было у него ни орденов, ни почетных званий...

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

«Наша художественная мастерская организована недавно. Я назначен завом, и под моим руководством работают четыре человека.

Делаем главным образом ширпотреб, это из-за отсутствия бумаги, но главное назначение мастерской — плакаты и наглядная агитация. Без ложной скромности могу сказать, что держится и организована она только потому, что я здесь...

И все же удалось сделать одну серьезную работу. Проработал и проиллюстрировал последний Сталинский доклад к 25-й Октябрьской годовщине. Рисунки произвели хорошее впечатление, и мне дано задание повторить в увеличенном размере и на хорошей бумаге эту работу специально для Москвы. Получается довольно эффектный альбом, выполненный по всем правилам графического искусства... Мое начальство прямо говорит, что для меня это будет иметь большое значение... Я не тешу себя очень радужными надеждами, чтобы впоследствии не разочароваться, но в нормальной обстановке за такую вещь можно было стать лауреатом».

«10 декабря 1943 г. сдал заявление на имя Верх. Прок. ...надеюсь, оно попадет ему в руки и будет положен конец возмутительной комедии. Думаю такое же заявление отправить в Верх. Совет. Хочется верить в справедливость и заслуженное возмездие для людей, принесших нам столько страданий».

«Низовые организации, в ведении которых я нахожусь (и которые больше кого-либо могут иметь обо мне представление), как и прежде, давали самые лучшие характеристики. Четыре или пять раз возбуждалось ими ходатайство о снижении срока и даже о досрочном освобождении, но дальше Управления Усольлага они не шли. Очень трудно пробить глухую стену. Но когда-нибудь она все же рухнет. Без полной реабилитации жизни все равно не будет».

«Говорят, раненый не сразу чувствует свое ранение. Я был ранен семь лет тому назад. Прошел достаточный срок, чтобы почувствовать свою рану, но я до сих пор не могу разобраться, смертельна ли она или есть еще надежда на выздоровление. Я говорю, конечно, о моральном ранении. Думаю, что, если попаду в нормальную обстановку, я поправлюсь и смогу быть пригодным для дальнейшей жизни и работы, а следовательно, и физически буду здоров...»

«... Когда думаешь, что погублены лучшие годы жизни, годы, в которые человеку положено делать лучшее, — становится очень больно и обидно».

«Я чувствовал себя перед всеми всегда и особенно теперь абсолютно чистым и, несмотря ни на что, с гордостью и полной ответственностью говорю это. Ни в чем не могу упрекнуть себя, но этого ведь не напишешь на лбу... Ярлык, наклеенный на меня, трудно уничтожить, и боюсь, что это отразится на всем. Вот почему я боюсь суждения людей, которые не побывали в моей шкуре».

«Я настолько отвык от нормальной жизни, что вообще не представляю, как можно ездить в трамвае, как можно пользоваться вилок, ножом».

«Я очень устал, но все же чувствую, что где-то еще сидит неистребимое мое желание работать, работать и работать».

«Как хочется заняться настоящим творчеством, забыв все неприглядное вокруг».

«Как мне хочется вернуться к работе над детской книгой. Что может быть лучше и прекрасней детской аудитории — искренней и правдивой».

Ирина БАТАЛОВА (Ротова)

ДЛЯ ПАПЫ Я БЫЛА ЛУЧШЕ ВСЕХ

Была я в детстве очень некрасивой. Мамины подруги смотрели на меня с сочувствием:

— Такая интересная мать — и такой ребенок...

Но для папы я была лучше всех.

У меня было волшебное детство. Потом, годы спустя, было и плохо, и страшно, но меня всегда успокаивала мысль, что это расплата за то, что в самом начале жизнь отпустила мне слишком много.

Не каждому в детстве выпадает радость быть всеми любимой. Расту среди прекрасных книг, картин, музыки. Ездить в Ленинград в Эрмитаж. Каждое воскресенье ходить в цирк, а после представления знакомиться с артистами за кулисами, гладить животных и получать маленькие подарочки. Кататься в папиной машине, а главное — жить среди очень интересных людей.

Папа дружил и с артистами, и с писателями. В доме у нас бывали знаменитые летчики-полярники. Почти у всех на груди сверкали ордена. Все были молодые, веселые, красивые.

Наш дом был открыт и для всех детей со двора. И папа с мамой всегда их принимали, угощали и даже играли в разные игры.

В мой день рождения позволялось все. Папа давал нам рисовать своими красками, а мама — наряжаться в свои платья.

Помню, как папа дал нам задание нарисовать корову. Он иллюстрировал книгу Чуковского, а там должна была быть корова, нарисованная детской рукой.

Как мы старались! Папа выбрал рисунок самой маленькой девочки, где корова, на наш взгляд, была самой никудышной.

Папа очень любил животных. В доме жили собаки, кошки, черепахи, птицы и даже заяц.

Однажды папа принес маленького котенка и, к ужасу мамы, положил его ко мне в кровать. Представьте мой восторг, когда, проснувшись, я увидела маленький пушистый комочек!

Котика назвали Фунтиком. Папа его обожал. Мне не разрешали подходить к папиному столу, а коту разрешалось все. Он спал на папиных рисунках. Под его мурлыканье папа любил работать.

И вдруг кот пропал. Две недели его искал весь двор. На стенах окрестных домов висели его портреты. К нам несли множество кошек и котов, но Фунта не было.

Наступал Новый год. К одиннадцати часам начали съезжаться гости. Пора было садиться за стол. И вдруг... бешеный звонок в дверь. Влетает последний гость с диким криком:

— Костя! Ваша Нюра сошла с ума! Она ходит по двору и точит ножи! Я еле проскочил мимо!

В ответ раздался хохот моих родителей. Дело в том, что, когда точили ножи, кот в предвкушении мяса бежал со всех ног. И наша домработница Нюра выманивала кота именно на этот звук.

Он вылез из какого-то подвала весь в паутине, жалкий, исхудавший. Нюра внесла его в дом как рождественский подарок. Коту дали целую банку крабов, и он, наевшись, как ни в чем не бывало, отправился спать на папин стол.

* * *

Хорошо помню отца на даче, на Клязьме, куда мы уезжали в мае и жили до октября. Дача была коллективная, кроме нас, на ней жили И. Ильф, Е. Петров и Б. Левин. Жили дружно и весело. Сколько шуток, розыгрышей и смешных историй!

А волейбол! Кто только не приходил играть: Кукрыниксы, Раскин, Бродаты, Ардов, Катаев, Олеша...

После праздника в Тушине к нам приехали гости — летчики. Пришли Кукрыниксы. Решено было устроить волейбольный матч по всем правилам. Бродаты, который не умел играть, был назначен судьей, и ему дали настоящий свисток. Нас, детей, заставили подмести площадку и расставить скамейки — пришли зрители.

Втайне я надеялась, что меня тоже примут. Когда не хватало игроков, звали меня. Я умела довольно хорошо играть. Но меня не только не приняли, но и прогнали, чтобы не приставала.

Спустя несколько лет папа писал мне из Усольяга: «Потерпи еще,

родная, немного, и ты будешь гордиться своим папкой... Мы еще поиграем в волейбол (правда, теперь я еще несколько не в форме, но это пустяки)».

* * *

... Предстояло солнечное затмение. Отец готовился к нему заранее. За несколько дней до события он договорился с летчиками учебного аэродрома о том, что мы будем смотреть затмение с летного поля. Конечно, можно было обойтись крышей или окном, но отцу хотелось обставить все как можно интереснее.

И вот мы идем по поселку. Нигде ни души. Еще темно, холодно и таинственно. Честно говоря, самого затмения я не помню, но вся подготовка к нему, ощущение тайны остались со мной навсегда.

После затмения летчики немного покатали нас на самолете. Правда, по земле...

* * *

Папа никогда меня не наказывал. Но один раз мне здорово попало. Папа купил новый фотоаппарат и снимал все подряд. Целый день он меня подлавливал и сделал много снимков. Разложив негативы, чтобы просохли, папа пошел работать.

Вечером он собрался печатать, и — о ужас! — вместо негативов лежали чисто вымытые стеклышки. Я хотела помочь, за что папа очень больно меня отшлепал и поставил в угол на полдня.

Потом мама мне рассказала, как ему было жалко не негативов, а меня. Но характер он выдержал, и я больше никогда не совалась в его дела.

* * *

1940 год. Наше последнее лето на Клязьме.

Ночь. Дом спит. Поют соловьи. Так тепло и уютно. Я сквозь сон слышу музыку. Горит настольная лампа, и папа, склонив голову, рисует. И вот в такую ночь они пришли. 22 июня. В четыре часа утра.

В одно мгновение была сломана жизнь.

Начался обыск. Летело все: рисунки, книги, постели. Они вывалили все из шкафов. Обшарили даже общую кухню.

В Москве оставили нам одну комнату, две другие опечатали. Нюра от нас ушла, и мы с мамой остались совсем одни. Телефон замолчал.

Во дворе детям не разрешали ко мне подходить. В школе шушукались за моей спиной. Учителя меня почти не спрашивали.

Мама ходила в Бутырки, как на работу. Наконец разрешили передачи и деньги (25 рублей). Мама оживилась: «Если принимают, значит, жив».

* * *

В первые дни войны папу отправили в Саратовскую пересыльную тюрьму.

ПРИЧУДЫ МЕСТНИЧЕСТВА

В Саратовской тюрьме он сутки просидел с одним замечательным человеком. Отец часами слушал его рассказы о дальних путешествиях, о замечательных открытиях ученых. Отец всегда вспоминал о нем с благодарностью и восхищением. Это был Николай Иванович Вавилов. Человек, которого знает весь мир.

Из Саратова отцу опять предстоял тяжкий путь на Север, в далекий Соликамск, где он провел долгие восемь лет.

* * *

В день моего шестнадцатилетия в дверь постучали. На пороге стоял незнакомый человек в ватнике: «Мне нужна Ирочка. Я привез ей подарок от папы».

Развернув рулон, мы ахнули.

На фоне голубого неба и распахнутого окна на столе стоял хрустальный стакан, в котором были белые розы. Они были мокрыми то ли от росы, то ли от слез. Как смог он все это написать там, где мрак, холод и смерть? Как же надо было любить жизнь, чтобы не забыть, что в мире есть красота, цветы, небо!..

* * *

Приближался срок освобождения отца. Мы ждали телеграмму. Я боялась только одного, что я его не узнаю. Представляла его старым, беззубым.

И вот звонок! Телеграмма. Встречайте. Поезд такой-то. Вагон не указал.

Я настолько все это хорошо помню, что постараюсь все рассказать по порядку.

Была почти зима. Очень холодно. Мы приехали задолго до прихода поезда. Платформа, к которой должен подойти поезд, почти пуста. Кое-где стоят такие же, как мы, встречающие. Ждут молча.

Наконец объявляют, что поезд к платформе не подойдет, а остановится где-то на путях. И вот вдалеке показался поезд. Все попрыгали на рельсы и пошли ему навстречу.

Подойдя к паровозу, мама остановилась: «Будем ждать здесь, тогда не пропустим».

И вот навстречу идут люди, большинство в ватниках, ушанках, с деревянными чемоданами. Почти все прошли, а папы нет.

А в самом конце поезда стоял он и, боясь нас не увидеть, пережидал, пока все пройдут.

Мама, схватив меня за руку, пошла навстречу папе. Бежать не было сил. Ноги подкашивались, и мы шли еле-еле.

И вот я чувствую папины руки, слышу его голос. Мы стоим обнявшись. Смеемся и плачем.

Помню первые папины слова: «Катя, ведь я говорил, что Ирка наша

похорощает. Видишь, она превратилась из гадкого утенка в хорошенькую обезьянку».

Мы идем, я забегаю вперед и снова смотрю: нет, такой же, тот же чубчик из-под шапки, та же походка, а главное, улыбка. Папина, ротовская, от уха до уха...

Никита БУЦЕВ

СОЛИКАМСКИЕ ПОМИДОРЫ

... Я не могу вспоминать Константина Павловича без восторга в душе и сердце. Сказать о нем, что это чудесный человек,— слишком мало. Вот пишу я сейчас, а ком в горле так и бегаёт, так и дрожит... Даже думать больно.

Не обращайтесь внимания на мой почерк, т.к. у меня не только ноги не работают (я пишу в кресле-каталке), но и руки. Я закрепил три пальца резинкой, вставил туда ручку и пишу.

В конце лета 1947 года мы с Мишей Таничем (мы однодельцы) прибыли (вернее, нас прибыли) в Соликамск на пересылку. Отсюда зеков распределяли по лагерям на лесоповал.

Мы уже знали, что здесь действует «закон — тайга, прокурор — елка». Ясно было, что надо задержаться в комендантском лагере. Мы назвались художниками — все-таки один курс института с архитектурным уклоном!

Когда мы с Мишей Таничем попали в художественную мастерскую, нам на пробу дали задание. Были мы молоды, прошли войну и оттого, видно, смелы и нахальны. Миша взялся писать маслом портрет Молотова, а я копировал с открытки «Березовую рощу». Миша хотя бы видел, как пишут маслом, а я и не видел, как это делается. Не мне судить о качестве нашей работы, но Константин Павлович в мастерской нас оставил.

Накануне тридцатилетия Октября была масса работы. Константин Павлович лежал в больнице, но до этого успел сделать эскиз «Почетной грамоты», которой должны были награждать самых усердных гулаговцев. Не зеков, конечно.

Нам с Мишей предстояло сделать 30 грамот. Все очень по-ротовски просто: красные флаги разных оттенков. в центре цифра «30» и прочие незатейливые атрибуты.

Дали нам рулон бумаги и полную творческую свободу. Срок — неделя!

Мы смело взялись за работу. С техникой отмывки были знакомы. Акварель и кисти есть.

Прошел день — и ни одного флага, хоть чуть похожего на ротовский, у нас не получилось. Три дня бились, и никакого толку. Внутренне уже стали готовиться в тайгу — лес валить.

Ротову кто-то сообщил о нашей беде. И он велел прийти в больницу. Мы пожаловались на плохие кисти и акварель. Константин Павлович разрешил взять его кисти и краски.

Еще два дня мучений — и опять без толку.

Снова пошли к Ротову. Он посмотрел на нас, да так по-доброму говорит: «Это я виноват. Ведь есть такая техника — маслом по бумаге, тампоном в растирку по трафарету. Грамоты ваши будут не хуже моих».

Мы снова принялись за работу. Стало получаться. Константин Павлович нас хвалил, подбадривал, и задание мы выполнили.

Когда Мишу отправили на штрафной лагпункт, он вскоре прислал мне письмо. Были там и стихи:

Ели, ели, я вас еле-еле
От сосны когда-то отличал,
А теперь вы, ели, надоели,
Ели, елки-палки и повал.

Пусть гореть мне после в преисподней,
Но презренье к елкам сберегу,
И сынишке елки новогодней
Ни за что на свете не зажгу!..

Стихи эти нигде не печатались, да и сам Танич наверняка забыл их давно.

Однажды кто-то из художников под окном барака-мастерской, на солнышке, посадил семена помидоров. Они выросли, но были зелеными. И все, конечно, часто бегали за барак смотреть, как растут помидоры. (Конечно, и я бегал.) Ротов стал понемногу подкрашивать один помидор. Сначала в бурый цвет, потом поспелее. И как радовался посадивший и ухаживавший за помидорами! А когда помидор совсем «поспел» и стал красным, хозяин сорвал его и принес в мастерскую. Все стали громко восхищаться и просить отрезать кусочек. Кто-то даже соли приготовил. И тогда хозяин торжественно разрезал помидор, и — о ужас! — это был крашеный помидор. Что было!

(Надо сказать, что шутку эту Константин Павлович уже опробовал на клязьминской даче. *Прим. ред.*)

Как-то один большой лагерный начальник сделал художникам заказ. Не помню, чего именно он хотел, но помню, что работа была большая и сложная. По предложению Константина Павловича, художники поставили условие: «необходим» специальный рыбий жир. Для этого нужна пара килограммов хорошей селедки.

Гражданин начальник селедку достал и принес в мастерскую. Было очень вкусно и очень кстати.

Заказ был, конечно, выполнен. И в срок, и качественно.

Был еще и такой заказ. Большой начальник заказал для супруги трельяж. Говорил так: «Сделайте, чтобы она, сидя в одной позе, видела себя не только спереди, но чтобы видела, как выглядит весь ее туалет, чтобы со всех боков себя видела...»

Константин Павлович сделал эскиз трельяжа. В дереве выполнил зек-краснодеревщик Николай Зуйков. Трельяж получился уникальный. Наверное, и у Екатерины II такого не было. Единственным утешением было то, что выдали подсолнечного масла для полировки. Естественно, часть этого масла мы съели.

Зимой 1948 года много продукции выпускала игрушечная мастерская. Делались игрушки из папье-маше по эскизам Ротова. Это были чудесные зайчики, петушки, медведи и т. д. Таких сейчас не увидишь. Веселые и грустные, хитрые и простодушные.

Константин Павлович показывал, как надо раскрашивать игрушки. И они получались похожими на зек-ов из художественной и игрушечной мастерских. То это оказывался Саша Стотик, то Оля Орешко! И мы смеялись, и было это в нашем положении очень полезно для здоровья!

Приходилось Константину Павловичу рисовать и карикатуры. Я помню его карикатуру на заведующего столовой, который нещадно нас обкрадывал. Ротов на большом листе бумаги нарисовал красивый цветок — одуванчик. А среди пуха виднелось очень похожее лицо зава столовой. И подпись была «Надуванчик».

В лагере было более двух тысяч человек, и все узнавали зава. Все шли на работу и с работы мимо щита с карикатурой.

С одним ротовским рисунком был такой случай. Он нарисовал такую картинку: симпатичный зайчик несется с горы на лыжах. Развевается шарф. Одна лыжа сломалась, но заяц весел.

Мне очень понравился этот рисунок, и я сделал с него, несколько увеличив, копию. Сделал и повесил на стенку.

В мастерскую любила заходить жена одного из начальников, врач. Молодая, интересная, надменная. Всех зек-ов считала врагами, а нас, «пятьдесят восьмую», — фашистами. Она этого не скрывала, а даже старалась подчеркнуть.

Врачиха давно просила меня сделать для нее какой-нибудь рисунок. А тут этот заяц — вылитый ее портрет. Я заказал столяру-зеку багетик для этого рисунка. Сделал на багете лепку и побронзовал.

Картинка заказчице понравилась. Она забрала ее и унесла, не сказав даже спасибо. А я стал ждать грозы.

Дней через 5—6 вызывает меня сам начальник лагеря. Я вошел в его кабинет, а там, кроме него, — врачиха. На столе моя копия ротовского рисунка. Без стекла и без рамки.

Оказывается, врачиха пожаловалась на меня за то, что я нарисовал на нее карикатуру.

— Ведь даже трусы красные, как у меня! — говорила она.

Начальник отпустил врачиху. Посмеялся над рисунком (мне-то было не до смеха) и сказал:

— Даю тебе 10 суток строгача, но сажать тебя не буду, так как картинка мне очень понравилась, и я возьму ее на память. Иди в мастерскую и не высовывайся.

Ни врачиха, ни начальник лагеря так и не узнали, что настоящий автор рисунка — Константин Павлович.

В соликамском музее были картины К. П. Ротова (разумеется, без указания автора). Особенно мне нравилось полотно — панорама города с летящим самолетом. Какое небо! Сколько воздуха, солнца! Это надо видеть! Я только ради этого полотна готов съездить в Соликамск, да, видно, уже не успею.

Пришло время освобождения. Определили Константину Павловичу для жительства 101-й километр — город Кимры.

Бывшие профессора, доктора и академики приносили свои лучшие шмотки, а лучшие портные из Прибалтики перешивали и подгоняли их для Константина Павловича. Всем хотелось, чтобы на воле он выглядел хорошо.

Время проводов было тягостным и грустным для нас и радостным и трезвым для тех, кто уходил за ворота. Ведь многие потом получали новый срок или ссылку.

Юлий ГАНФ

ХУДОЖНИК НЕОБЫЧАЙНОГО ДАРА

Родился он в начале века в казачьей семье. Отец его был кем-то вроде писаря.

В наследство от отца Ротову достались три исторические папиросы. Когда-то в те места, где жила семья Ротовых, приезжал царь Александр Третий, торжественно встреченный казачьей общественностью. Отцу Ротова царь подарил три папиросы, специально для него изготовлявшиеся, — они были воистину царские: очень длинные, толщиной в большой палец руки. Рассказывал об этих папиросах Ротов, добродушно посмеиваясь, называл их «царской милостью».

В Москву он приехал в начале двадцатых годов. Именно тогда и появились в «Крокодиле» рисунки Ротова, поразившие нас своим мастерством, легкостью, наблюдательностью и каким-то мягким, слегка лукавым, только одному ему присущим чувством юмора.

Рисунки Ротова можно было рассматривать без конца — в них жило и дышало все — персонажи, предметы, пейзажи.

БУДНИ ОБЩЕЖИТИЯ

Для него не представлялось трудным ни одно задание, лишь бы тема была смешной и было бы «что рисовать», как говорил он.

Его знаменитые «массовые» композиции смотрелись как замечательные постановки массовых сцен, где Ротов был и режиссером, и автором, и декоратором, и создателем ролей своих персонажей. Рисунки его легко смотрелись и каждый целиком, и смешные детали в отдельности. Громадное количество людей в композиции, и ни одного похожего на другого.

Необычайная выдумка, чувство смешного делали рисунки Константина Ротова незабываемыми не только для рядового читателя, но и для нас, привыкших ко всему профессионалов этого жанра.

Это был художник необычайного дара, и я, не боясь преувеличений, могу сказать, что не знаю ничего подобного ни до, ни после него.

Помню его рисунок «Драка на коммунальной кухне», в котором участвуют в драке не только люди, но и каждый предмет кухонной утвари. Рисунок, с одной стороны, смешной, как смешили лучшие кадры чаплиновских комедий, с другой стороны, делалось страшно и грустно при виде распоясавшихся, иступленных обывателей.

Помню очень подробно нарисованную панораму какой-то выдуманной киностудии. Вот везут в вагонах снег для какой-то «полярной» кинопьесы, вот кинорежиссер выбирает типаж на роль Пушкина, причем в числе претендентов почему-то оказались даже две женщины.

Все смешно, все интересно, все можно без конца рассматривать, находить все новые и новые подробности.

А прекрасные его иллюстрации для детских книжек К. Чуковского, С. Маршака, С. Михалкова!

Уже вполне взрослые тетеньки и дяденьки до сих пор помнят эти книжки, веселые, звучные стихи и яркие, веселые, всегда точные и интересные картинки.

Дядя Костя Ротов никогда не сюсюкал, уважал своего маленького читателя и любил его так же горячо, как горячо любил свою работу.

Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь рисовал так легко и быстро, как Константин Павлович. Чтобы рисунок получился, мне, да и всякому другому художнику, приходилось долго сидеть над листом, делая раньше приблизительные наброски композиции, наброски вариантов, а иногда заново переделывая готовую уже карикатуру.

Мне часто приходилось наблюдать, как работал Ротов. Он садился за стол как-то по-своему, боком, поджав под себя одну ногу, как мы говорили, «как сорока на тыну».

Очевидно, вся композиция, все детали, были у него в голове настолько готовыми, что он начинал рисовать, даже не делая общего, приблизительного наброска, причем вся композиция точно ложилась в заранее задуманную или данную редакцией площадь рисунка.

Эта быстрота и легкость рисунка особенно помогали ему при работе

над газетной карикатурой, где оперативность не позволяла возиться долго с вариантами и эскизами.

Летом Константин Павлович жил на Клязьме, как и многие крокодилы. В большом деревянном двухэтажном доме.

Вторую половину дня, когда кончались часы работы, на террасах этой дачи и в саду было весело — розыгрыши, игры, шутки, патефон.

Почетное место среди развлечений занимал волейбол.

Однажды, когда я пришел на ротовскую дачу, то увидел такую интересную картину — пятеро известных писателей и художников, проигравших волейбольный матч, ходили, согласно условию, на четвереньках вокруг волейбольной площадки и громко говорили:

— Мы дураки, мы не умеем играть в волейбол, научите нас, дураков, играть в волейбол!

Мы с ним по очереди, через день, работали в «Правде» и «Комсомольской правде», а также в «Гудке» и других газетах, и я не помню случая, чтобы его рисунок был не только халтурным, но и небрежным или приблизительным.

Не было человека, который не любил бы ротовские рисунки и самого Ротова, его лукавые морщинки у глаз, особенную, какую-то человеческую деликатность и добродушие.

И такому человеку пришлось провести лучшие годы своей жизни в лагерях «культа», подорвавших навсегда его здоровье!

Я видел последний лист бумаги, за которым Константина Павловича застиг удар. Начатый рисунок — и вдруг линия сделалась дрожащей, неуверенной и оборвалась, как через несколько дней оборвалась и сама жизнь этого замечательного человека, блестящего художника — Константина Павловича Ротова.

Виктор ЧИЖИКОВ

ДОБРОТА БОЛЬШОГО ТАЛАНТА

Константин Павлович Ротов, патриарх карикатуры, в широченных сатиновых шароварах, с сиамской кошкой на руках мягко шагает из угла в угол, аккуратно ставя ноги в войлочных тапочках на определенные узоры ковра.

— Это какое-то чудо! Магазин демократической книги «Дружба!» Каждый раз приношу кипу интереснейших книг. Вот, смотрите — «Вредители леса». — Он раскрывает цветастый атлас. — Это же прекрасно! Обратите внимание на этого жука, взгляните повнимательнее, вы видите, что он улыбается?

Он садится в кресло.

— Вы, молодые, ужасно счастливое поколение! Сыты, обуты, одеты, талантливы.— И с улыбкой добавляет:— И имеете магазин демократической книги!..

Да, вы талантливое поколение, один ваш Саша Митта чего стоит! Интересно рисует, пишет замечательно. Я с большим удовольствием рисую картинки к его стихам. Скоро будет кинорежиссером!

Я тут тоже киношником стал, купил кинокамеру,— улыбается Константин Павлович,— надо будет узнать у Митты, как делаются хорошие фильмы.

Таким я и запомнил нашего великого карикатуриста, мягким, улыбочивым, добрым, каким-то домашним.

Немного позже мы с Виталием Стацинским, Женей Гуровым, Сашей Миттой в числе других художников несли гроб с телом Константина Павловича по Введенскому кладбищу. Дул неприветливый, холодный ветер. Я шел и думал о Ротове, который сумел пронести через жизненные вьюги и бураны тепло большого человека, доброту большого таланта.

Александр МИТТА

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Сейчас совершенно невозможно представить, чем в пятидесятые годы был для нас Константин Павлович Ротов. Нас, собственно, было немного. Десяток-полтора молодых художников-юмористов.

Вообще крокодильские художники-сатирики поразили меня в первую очередь полным несоответствием внешнего облика с предполагаемым.

Все они оказались добрыми, славными людьми, любителями розыгрышей и шуток в быту.

На взгляд юного голодного крысеныша, вылезшего из лабиринта московских подворотен (таким я, видимо, был в те далекие годы), все эти люди как-то отличались от остальных. И если найти одно слово, которое бы определило их общность, я бы сказал, что это слово было — доброта. По сути, они были маленькой кучкой грустных клоунов трагической эпохи.

Но даже среди этих добрых и насмеяливых людей Константин Павлович Ротов отличался мягкостью и какой-то особой добротой.

Ромен Роллан где-то привел слова Бетховена: «Я не знаю другого признака превосходства, кроме доброты». В устах мрачного гения эти слова что-то значат. И сейчас, когда мы никак не можем вытряхнуть из себя остатки власти злых уродцев, каждый художник, у которого доброта была сутью его таланта и его личности, важен, как часть золото-

СКУЛЬПТУРНОЕ ПУГАЛО

- Для клуба статую приобрели?
- Нет, для огорода!

го фонда возрождающейся народной души. Поэтому есть какой-то смысл, не мемориальный, а насущно необходимый сегодня и завтра, в том, чтобы талант и личность Константина Павловича Ротова не были забыты, не исчезли в мутной дымке прожитых лет.

Я познакомился с Ротовым, когда начал выходить журнал «Веселые картинки». Редактировал и, собственно, создал журнал Иван Максимович Семенов.

«Веселые картинки» были задуманы как журнал художников. И все ребята, молодые, начинающие юмористы, выглядели тогда прекрасной командой, полной надежд и задора. Почти все они остались и по сегодняшней день верны своему призванию — веселой детской книжке: Витя Чижиков, Миша Скобелев, Толя Елисеев, Женя Монин...

Стариков в журнале было мало. Только классики: Аминодав Моисеевич Каневский, Иван Максимович Семенов и живая легенда — Константин Павлович Ротов. Он только что вернулся в Москву после лагеря и ссылки.

О трагических его мытарствах уже много написано. Я добавлю только то, что слышал от него лично.

Художник Храпов, оговоривший его на Лубянке (тоже отсидевший полный срок), просил прощения: «Костя, они меня били и все требовали, чтобы я назвал имена антисоветской группы шпионов в «Крокодиле». Я не хотел тебя называть. Я думал назвать Ганфа. Он рисует международные карикатуры, вроде бы в самый раз показать, что по заданию вражеской разведки не так, как следует, разоблачает врагов. Но я подумал, Ганф — юрист. Он что-нибудь придумает, чтобы выкрутиться. И меня опять начнут бить, чтобы я других закладывал. А ты добрый, простодушный, ты не выкрутишься. Я тебя и назвал. А то бы они меня на смерть забили».

Страшно? Не страшнее жизни. Константин Павлович рассказывал об этом, посмеиваясь.

Арестовали Ротова на даче. С этой дачей, кстати, связан один его рассказ.

У Ротова на участке росли помидоры. Заботился он о них мало. А за забором на ровных окученных грядках росли ухоженные помидоры соседа по даче. Как-то утром Ротов вышел с банкой гуаши и аккуратно раскрасил в красный цвет свои зеленые помидоры.

Сосед встал попозже и по обыкновению стал поливать свои розовеющие помидоры. И вдруг застыл в изумлении: заросшие сорняками ротовские грядки краснели десятками ярких плодов. Он чуть не заплакал от обиды: «Костя, почему у тебя помидоры созрели, а у меня нет? Хотя свои я поливаю, окучиваю и пропалываю. А ты свои совсем забросил?» — «А потому, что мои на свободе растут, а ты свои замучил: все листья им пообрывал, дерьмом каждое утро поливаешь. Друзей лишашь — выпалываешь. Кому это понравится?»

Этот рассказ Константина Павловича я вспомнил, когда снимал

фильм «Гори, гори, моя звезда». В фильме есть персонаж — художник. Он разрисовывает радугами яблоки на погибшей яблоне. И художник этот, молчаливый талант, погибший в круговерти гражданской войны, и сцена с яблоней были моим поклоном умершему учителю.

Но это произошло через десять лет после нашего знакомства. А познакомились мы с Ротовым так. В журнале «Веселые картинки» я был на вторых ролях. Придумывал темы и подписи к картинкам, которые давали рисовать более умелым художникам. Подписи были бессмысленные: «Осьминог занемог — заболело восемь ног». Или: «Видно, думают селедки, что плывут по небу лодки».

Мечтой моей было получить возможность самому нарисовать картинку. В журнале сохранялись крокодильские традиции: все темы в общий котел, а потом редактор раздает заказы художникам.

Я только что поступил во ВГИК. Сидя на лекциях по истории искусств, сочинял юмористические рисунки. Потом горстями разбрасывал по редакциям. Их печатали в газетах и журналах.

Но такое элитарное издание, как «Веселые картинки» под художественным редактированием изысканного сноба худреда Виталия Стацинского, было для меня недостижимым. Я сам это понимал. Но все-таки желание было. Точнее, комплекс неполноценности. И в преодоление этого комплекса решил сочинить что-то такое, что дало бы мне право настаивать на том, чтобы и мне дали порисовать в журнале. И вот в полутемной аудитории ВГИКа, во время показа слайдов — шедевров Эрмитажа, я настроил «Чудо-кровать». Комикс в стихах про лентяя, который мечтает летать по свету, лежа в постели.

Журналу стихи подошли. Нехотя согласились, что я могу попробовать нарисовать сам. И вдруг я узнаю, что стихи понравились Константину Павловичу и он не прочь их проиллюстрировать. Ну, это для меня было все равно, как если бы молодому сценаристу сказали: «Ваш сценарий прочел Феллини и хочет ставить фильм с Марлоном Брандо и Джейн Фонда». Что он ответит? Что сам хочет ставить фильм с Бондарчуком и Наташей Негодой? Или обалдеет от счастья?

Я поверить не мог. Сам Ротов, который всю мою недолгую сознательную жизнь был моим любимым художником, будет иллюстрировать мои стихи!

В наше голодное и безрадостное детство не было телевизоров, и книги заменяли все радости. И одной из любимых была «Путешествие капитана Врунгеля» с картинками Ротова, которые я знал наизусть, как «Три богатыря» или «Три медведя». Были еще многолюдные картинки в довоенных «Крокодилах», которые мы разглядывали бесконечно, находя каждый раз новые подробности. Ротов был блестящим рисовальщиком. Я думаю, что в любом из лучших юмористических журналов мира он был бы лидером. А доведись ему жить в Америке, он стал бы знаменитостью не меньшей, чем Норман Рокуэлл.

Хотя я был почти мальчик, а Ротов был мэтром, он позвал меня по-

глядеть на рисунки в работе. Не будет ли у меня замечаний? Замечаний, конечно, не было. Но я увидел художника за работой. Рисунок он делал в полтора, два раза больше печатного воспроизведения. Рисовал сразу начисто пером по легкому карандашному наброску.

Никаких замечаний по тексту Константин Павлович не сделал. Рисунки так густо насыщены деталями, подробностями, отношениями персонажей, что текст стал небольшим дополнением, пунктиром, ведущим сюжет истории, рассказанной в картинках. Ротов стал как бы режиссером фильма, к которому я написал набросок сценария. Пожалуй, это лучше всего объясняет обаяние его рисунков. И не потому, что я как профессионал-режиссер подбираю отмычку к его секретам. Нет, рисунки Ротова наполнены живыми людьми с характерами, жизненными реакциями, естественными жестами. Ротов никогда, ни в одной мелочи не потрафляет эстетически не развитому вкусу. Его пропорции жизненны, авторское отношение к персонажам проникнуто добротой, рука легка и уверенно точна. Это подлинный художник для миллионов!

Мы договорились, что я напишу для него еще несколько стихотворных комиксов, чтобы вышла книга. Но меня уже засосало кино, а вскоре Константин Павлович умер.

Все, что Ротов вспоминал о своей лагерной жизни, было пронизано доброй иронией.

Он рассказывал, как нарисовал сатирическую картину с Гитлером и всеми фашистскими вождями, чем неслыханно перепугал лагерное начальство. Они бросились обыскивать его койку. Искали фашистские материалы, не могли поверить, что Ротов все нарисовал «из головы».

Был рассказ про встречу с лагерным начальником, который был уволен на пенсию и приехал в Москву за покупками. Дом Ротова выглядел весьма репрезентативно, и начальник общался с бывшим зеком заискивающе. Разговор не получился, хотя, как рассказывал Константин Павлович, майор относился к нему в лагере хорошо и даже оказывал покровительство в пределах возможного.

Как-то и не вспомнишь всех ротовских рассказов — тридцать лет с лишком прошло. В сущности, жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бор. ЕФИМОВ. КОСТЯ РОТОВ</i>	2
ИЗ АВТОБИОГРАФИИ РОТОВА К. П.	3
<i>Евгений ГУРОВ. ЗЛОПОЛУЧНАЯ ЛОШАДЬ</i>	4
<i>Константин РОТОВ. СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ</i>	30
<i>Ирина БАТАЛОВА (Ротова). ДЛЯ ПАПЫ Я БЫЛА ЛУЧШЕ ВСЕХ</i>	31
<i>Никита БУЦЕВ. СОЛИКАМСКИЕ ПОМИДОРЫ</i>	36
<i>Юлий ГАНФ. ХУДОЖНИК НЕОБЫЧАЙНОГО ДАРА</i>	39
<i>Виктор ЧИЖИКОВ. ДОБРОТА БОЛЬШОГО ТАЛАНТА</i>	42
<i>Александр МИТТА. ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА</i>	43

Редколлегия журнала «Крокодил» благодарна за помощь в работе над этой книжкой: Ирине БАТАЛОВОЙ (РОТОВОЙ), Анатолию БЕЛОУСОВУ, Виктору БЕРИНОВУ, Никите БУЦЕВУ, Наталии ГАНФ, Борису ЕФИМОВУ, Борису ЖУТОВСКОМУ, Камилу ИКРАМОВУ, Марине ЛЕБЕДЕВОЙ-КУМАЧ, Александру МИТТЕ, Николаю СОКОЛОВУ, Елене СТРУННИКОВОЙ, Михаилу ТАНИЧУ, Филиппу ТОЛЬЦИНЕРУ, Николаю УЛЬРИХУ, Виктору ЧИЖИКОВУ, Дементию ШМАРИНОВУ, Раисе ШТЕЙН.

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ЛОШАДЬ

Рассказы о Константине РОТОВЕ,
художнике-крокодилце

Составитель Е. А. ГУРОВ

Редактор М. Г. К а з о в с к и й

Техн. редактор Л. И. К у р л ы к о в а

Сдано в набор 12.02.91. Подписано к печати 22.03.91.

Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.

Усл. кр.-отг. 2,45. Уч.-изд. л. 3,04. Тираж 75 000.

Заказ № 185. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В.И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила, 1991.

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1991. № 9. 1—48.

